

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Два Распутина – бас и тенор

В Лос-Анджелесе и в Хельсинки практически одновременно поставили оперы о знаменитом старце

Мэлор Стура
Миннеаполис

Дело было в Берлине. На сцене тамошней оперы в который уже раз скрестили мечи в вагнеровских «Валькириях» герой и злодей – испанский тенор Пласидо Доминго и финский бас Матти Салминен. Заклятые враги на сцене – закадычные друзья в жизни. По словам Доминго, однажды «друзья-враги» решили в свободное время отобедать в знаменитом берлинском отеле «Адлон». И там До-

Естественно, оба композитора понимали, что русский сюжет требует русской музыкальной атмосферы, русского воздуха. И Дрэттел, и Раутаваара призывают на помощь литургические песнопения Русской Православной Церкви. «В музыкальном плане партитура оперы полностью уникальна, – считает Микко Франк, финский маэстро, дирижирующий «Распутинным». – Трудности возникают только в одной-двух сценах, исполняемых в быстром темпе. Поэтому пришлось потрудиться над тем, чтобы протяжность

эмоциональностью и не только как музыкант. Ростропович говорит: «Хотя я и родился через десять лет после революции, я всегда чувствовал грех убийства царской семьи как тяжелый груз на моих плечах. Этим летом я отменил все мои концерты, чтобы поехать в Екатеринбург на открытие новой красивой церкви на Крови, которая построена как раз на том самом месте, где была расстреляна царская семья. И меня посетило чувство облегчения. Мы все приняли наш общий грех. Сейчас в России уже не спорят по

Подобно тому, как итальянскую оперу можно петь лишь на итальянском языке, оперу о смутных временах русского народа с адекватной силой может написать лишь русский музыкант

минго сказал Салминену, что репетирует партию Распутина в опере «Николай и Александра» на лос-анджелесской сцене. Каково же было удивление тенора, когда бас ответил ему, что тоже репетирует партию Распутина – в Хельсинки!

Речь идет о двух совершенно разных операх. Та, в которой поет Доминго, написана американским композитором Деборой Дрэттел на либретто Николаса фон Хоффмана. Автор либретто и самой оперы, в которой поет Салминен, – маститый финский композитор Эйноухани Раутаваара. Она называется коротко и ясно – «Распутин».

и органическая структура оперы не казались замедленными по сравнению с быстрыми эпизодами».

В Лос-Анджелесе за дирижерским пультом стоит сам Мстислав Ростропович. Однако он не пошел по линии «русификации» партитуры – и правильно сделал, ибо в результате получилась бы ватпука. Дирижер нашел точное решение, сделав акцент на общечеловеческом контексте русской драмы, не насиливая, а подчеркивая космополитический характер музыки. Иное дело, что сам он в отличие от американской аудитории воспринимает оперу с особой

поводу того, было ли это правильно или неправильно. Мы просто просим Бога простить нас». Ах, если бы так. Не каждый русский, как Ростропович...

Однако вернемся к двум Распутинным. Личность старца особенно гипнотизирует западную публику. Как замечает критик Мэттью Гуревич в «Нью-Йорк таймс», «все характеры драмы трагичны, но особенно околдовывает нас Распутин. Кем был он в действительности – любовником императрицы Александры или импотентом? Эрзацем мессией или подлинным антихристом? Священным врачом-телемом или бестией-чувственни-

Во всем мире вызывает интерес история семьи последнего русского царя. Как и фигура старца, отсутствующего на этом снимке.

ком? Аскетом или пьяницей? Либретто обеих опер во многом построены на книге Эдварда Радзинского о Распутине. Кстати, и к этому Мстислав Ростропович свою руку приложил. Именно он купил на аукционе «Сотбис» многочисленные и до селе не известные документы о Распутине и предоставил их в

распоряжение писателя. У Радзинского Распутин отнюдь не однозначен. Писатель не дает и не может дать односложные ответы на поставленные выше вопросы, как и на многие иные. Даже внешние описания «старца» разнятся. Согласно свидетельствам его современников, он и высок, и низок; и худ, и

толст. Один пишет о его белых идеальных зубах, другие говорят, что у Распутина были гнилые зубы и у него отвратно пахло изо рта. А как звучал его голос? Этого не знает даже Радзинский. (Результат подобного неведения – два Распутина, тенор и бас.) Что же касается импотиции Распутина, то сорок с

лишним лет назад дочь Распутина (она, кстати, жила в Лос-Анджелесе) продемонстрировала мне мумифицированный пенни своего отца, свидетельствовавший, если он не фальшивка, совсем об обратном.

У Деборы Дрэттел Распутин поначалу тоже был басом. Когда она начала обхаживать Пласидо Доминго, то видела в нем не столько певца, сколько генерального директора Лос-Анджелесской оперы и художественного руководителя Вашингтонской оперы. Она предложила ему партию царя Николая II. Однако, прослушав фрагмент оперы в фортепианном исполнении автора, Доминго предложил ей сделать партию Распутина теноровой. В этом случае он согласился петь ее. Доминго гарантировал также покупку оперы Лос-Анджелесом при условии, что композитор «нарастит» партию Распутина, а царя Николая «переведет» из теноров в баритоны.

Дебора Дрэттел была поражена предложением Доминго, которое шло вразрез с ее музыкальной концепцией оперы, и решила отказаться от его идеи. Но искушение было слишком велико. «Один музыкальный деятель, которого я хорошо знаю, сказал мне: «Ты что – слаба головой? Как можно отказываться от подобной удачи?» Короче, Дебора Дрэттел поступила ради Доминго своими принципами...

Что касается Распутина-Салминена, то драматическая нагрузка у него больше, чем у Доминго. Его Распутин все время балансирует между нежностью «облака в штанах» и жестокостью хищного зверя.

«Николай и Александра» на сцене Лос-Анджелесской оперы

– это «love story». А где «love story», там и исторические вольности. «Если вы хотите узнать о русской революции, то лучше сходить в библиотеку, чем в оперу», – говорит либреттист Николас фон Хоффман. – Хотя сама опера не противоречит общеизвестным историческим фактам, она тем не менее плод фантазии».

Впрочем, хельсинкский Распутин – тоже симбиоз истории и фантазии. По словам постановщика Вилппи Кильюнена, опера – «некий коктейль сюрреализма и мелодрамы, напоминающий костюмированные эпические полотна Голливуда». Но главное в ней, настаивает он, это повествование, сюжет. А вот постановщица «Николая и Александра» Энн Богарт считает кодовым словом для своего детища не «повествование», а «память». «Мы все время находимся на грани потери памяти. Вспоминать стало для нас радикальным актом. Именно поэтому я поставила «Николая и Александра», – говорит она. Для Богарт стержнем оперы является Александра.

Итак, две оперы «про Гришку, про Сашку, про царя Николашку» и два Распутина – тенор Доминго в Лос-Анджелесе, бас Салминен в Хельсинки. Поют они блестяще. Но, подобно тому, как итальянскую оперу можно петь лишь на итальянском языке, оперу о смутных временах русского народа с адекватной силой может написать лишь русский музыкант, в ушах, а главное, в сердце, в мозгу которого постоянно шумит хаос, из которого возникает и в который вновь погружается его Родина. Как сказочный град Китеж...